

К 85-летию Евгений Голубовский выпустил свою новую книгу в 532 страницы(!).

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Что заставляет меня, 85-летнего человека, садиться перед компом, писать. Если одним словом, то – любовь. Любовь к родному городу. Одесса всегда была достойна любви. Да, она меняется, не всегда в лучшую сторону. Да, её целенаправленно разрушают... И все же, все же, все же...

И шум волн тот же, что при Пушкине, и запах акации тот же, что при Жаботинском... И пришла строка Мандельштама, без которой уже не мог представить книгу – «И море, и Гомер – всё движется любовью».

Написал – книга. Но книга – это не жанр, я сложил из своих записей в фейсбуке не календарь, а лирический дневник. Мои отклики на даты и события, книги и писателей – читателей. Любовь к своему читателю. К тому, кто не бросил читать книги, ходить на выставки, слушать музыку. Вы скажете – их всё меньше. Тем больше их нужно любить, поддерживать огонёк сотворчества.

Год тому я, поддавшись уговорам дочери и друзей, сложил дневник своих постов из фейсбука за 2018 год. Так появились «192 ступени». И тогда же обещал – е.б.ж. – так Лев Толстой шифровал – если буду жив – в этом, 2021 году собрать книгу из постов 2019 года. Тем более, что мой коллега по «Вечерке»

Но не успело одесское издание выйти из печати, как автор книги получил письмо от редактора питерского издательства «Алетейя» Игоря Савкина с просьбой прислать ему оглавление книги. И вскоре новое письмо – «Алетейя» бесплатно переиздаст новую книгу Евгения Голубовского. «Алетейя» (в переводе с древнегреческого – истина) – одна из богинь греческой мифологии. В этом издательстве в последние годы выходили книги одеситов Сергея Рядченко, Анатолия Контуша, Ефима Ярошевского...

И 23 ноября 2021 года книга опять ушла в печать. Еще один повод нам порадоваться за Евгения Голубовского! Поздравляем!

Гая Тульчинская собрала все мои дневниковые записи. Спасибо ей огромное.

У этого дневника со временем вдруг проявившееся свойство. За год ушли из нашей жизни замечательные люди, мои друзья Олег Губарь и Михаил Жванецкий, Юлик Златкис и Аркадий Львов... – а в этой книге они все живые, они действующие лица трагикомедии под названием – жизнь. Серия моментальных фото, еще не воспоминания. Будем учиться любить живых. Неправда – «они любить умеют только мертвых».

Кстати, и иллюстрации в этой книге живых и уже ушедших художников. Когда-то, покидая Одессу, наш друг коллекционер Люрик Беккерман оставил нам альбомчик XIX века для рисунков. В нем уже были пять-шесть работ, альбом в нашем доме пополнялся рисунками друзей, приходивших в гости художников, одеситов и москвичей, тбилисцев и львовян... Пришло время показать и их читателям.

Посвящаю книгу памяти моих друзей.

Посвящаю книгу своим друзьям, поддерживающим и сегодня меня. И прежде всего, дочери Анне, внучке Соне.

И спасибо читателям, благодаря финансовой помощи которых выходит эта книга «И море, и Гомер всё движется любовью».

Ваш Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Евгений Голубовский
И море, и Гомер –
всё движется любовью...

На детский вопрос, в чем смысл жизни, ты уверенно отвечал – в самой жизни. Лет сорок назад это казалось мне слишком простым ответом.

В самой жизни...

Брат от неё. Мы убежали на пару дней в Вену. Как ты сказал, впервые после эвакуации 1943-го пятое декабря ты встречаешь не дома...

Вряд ли в музеях были в это время более пристрастные, благодарные и веселые зрители. Меня даже арестовала охрана, но это опущу)

Упрямо пешком в дождь дойти с другом Юликом из нижнего Бельведера в верхний, две согбенные спины и две трости – плевать, «король гуляет в любую погоду»!!

Погрузиться в нарядную венскую жизнь, впитывая ее от бодег до украшенных по-рождественски ресторанов, в самолёте прилипнуть к иллюминатору, как ребёнок разглядывая облака, жить, жить!!

И отдавать. Как говорил Саша Розенбойм, жизнь берет не своё. Она забирает наше.

Ничего бы не стоило это радостное впитывание, если бы не было желания тут же накопленное разделить. Порадовать. Поддержать. Давать точку опоры близким и дальним, привычно подставляя плечо в самых сложных обстоятельствах.

2018-й год – самый страшный в нашей жизни. Только мы вдвоём знаем, какую волю ты проявил, чтобы мама, самый родной наш человек, не испугалась, не поняла происходящего. И не меньше мужество – когда не позволил себе потом даже минутной слабости, уже ради меня. Ради Сонечки. Ради того, чтобы жизнь, которую ты так любишь, была не существованием, а жаром и горением, от которых тепло всем вокруг.

Будь. И будь здоров, родной мой, любимый. Не останавливайся.

Анна Голубовская

Голубовский как жанр

Женя Голубовский был моим первым одесским редактором. В 1972 году я, волей сердечной привязанности своего папы, только-только дембельнувшись, оказался в Одессе. «Вечерки» еще не было. Приятель моей только-только обретенной мачехи Леонид Миронович Золотарев дал мне аудиенцию в кабинете заводского промышленного «Чорноморської комунь». Беседа закончилась словами: «Не лезь ты в эту журналистику...» Так, по-доброму напутствуемый, я перешел Пушкинскую и оказался в кабинете отдела рабочей молодежи «Комсомольской искры».

Собственно, рабочей молодежью был сам Евгений Михайлович и его единственный подчиненный Валера Мигицко. Женя был просто Женя, каким я его и знаю всю следующую жизнь, – добрый, умный, расположенный. А Мигицко изображал из себя прожженного журналиста. В отличие от Золотарева, Женя почувствовал во мне рабочую косточку и минуты через три дал задание написать о слете молодых строителей. Полотно вышло под заглавием «Мы будем дим» и озадачило меня появившейся в тексте цитатой не только из Брежнева, но и из материалов республиканского комсомольского съезда. Кроме того, заметку, естественно, перевели на украинский, которого я вовсе не знал, так как предыдущий мой творческий путь не простирался дальше спортивного отдела «Вечернего Ростова» и газеты Закарпатского пограничного округа. Не могу сказать, что первый одесский опыт меня вдохновил. Я решил на некоторое время отползти, предавшись занятиям в ОГУ, которые, главным образом, заключались в игре за этот же ОГУ в баскетбол.

Второй раз с Женей мы уже пересеклись в только-только открытой «Вечерке», где журналистский авторитет Голубовского был, пожалуй, все мои 11 лет в этой газете вторым после Бориса Дервянко. Не стоит забывать, что Борис Федорович при этом стоял на пьедестале должности. Как бы Женя на разных этапах не назывался, он всегда был человеком отдела под названием «Голубовский», и всегда ведал культурой. Это был вечный третейский судья для всех. Дервянко говорил: что-то не то, покажите Голубовскому. Пишешь до одурения с Лившиным фельетон и уже под утро сам не понимаешь, что написал. Кто-то из двоих обязательно скажет: «Давай покажем Женке...» Сам страхуешься и перед тем, как сдать репортаж: «Жень, поглядишь?»

Фельетонизм не проходит для журналиста без травм. Твоя оптика как бы искривляется постоянной критикой, и ты начинаешь относиться к человечеству с некоторым подозрением. Нас с Лившиным и Романовым это касалось в полной мере. А Голубовский был и остается добр к миру. Он по природе склонен любить и понимать людей, а значит, и прощать их.

К тому же, Голубовский был нашей Википедией. Он знал, кажется, все, а ты – ничего. Поэтому «спроси у Жени» было как «здравствуйте». Конкурировать с ним по доверию коллектива могла лишь профессор одесской журналистики наша старшая машинистка Рая Науменко, доброжелательно реагировавшая на любую принесенную ей для перепечатки рукописную заметку: «Что ты опять принес? Чтобы вы все провалились!».

Из нашей компании, в которой был и Юра Макаров, и Семен Лившин, и Дима Романов, и Валера Барановский, и позже Юля Женева, Голубовский жил к редакции ближе всех. Если что-то срочное, писали у него. Бедная жена Валя! Наши писания и переписывания, которые, в конечном счете, превращались в застолья, она выдерживала с радостным терпением.

Все были ужасно заняты, ни на что не хватало времени. Поэтому Валин рассказ о том, как они с Женей женились, сбегав утречком без свидетелей в загс у Оперного театра, а потом заскочили в популярную кафе «Малютка», где и забыли свое свидетельство о браке, воспринимался с пониманием: с каждым такое могло случиться.

Какое счастье, что Женя Голубовский и Анечка остались в Одессе! Эта маленькая хрупкая семья издали мне кажется неприступным бастионом, о который разбиваются все более ожесточенные волны воинственного, самодовольного провинциализма.

Как-то я для себя подсчитал, в каких отделах работал за свою жизнь в журналистике. Был спортивным репортером, военкором, фельетонистом, редактором по отделу экономики, спецкором и политобозревателем, журналистом в кремлевском пуле Горбачева, 20 лет главным редактором...

И только в отделе культуры – никогда. Понимаю, почему: там всегда было место лишь для одного человека – Жени Голубовского. И еще, дай Бог, долго будет!

Виктор Лошак

Редкие люди обладают редким свойством – увлекаться чужим талантом. Остальные, в большинстве, просто завидуют вплоть до полного равнодушия. Отчего любой талант тихо погибает.

Но вдруг появляется некий Е.М. Голубовский, как никто, владеющий Даром чужь и увлекаться чужим Талантом. И вытаскивать его из небытия забытости. И продолжать его, Таланта, жизнь, как бы сам Талант не сопротивлялся. Божественное предназначение Е.М.Г!

Начинал в Одессе, а уже – повсюду!

Олег Сташкевич

ЮБИЛЕЙ

Конечно, он хранитель Одессы, ее воздуха, ее широты и терпимости. Но это, я думаю, и без меня понимают все, кто знает его. А вот стихи к его юбилею я написал специально. Когда-то это называлось «датский поэт» – стихотворец, писавший стихи к торжественным датам. К этой – с удовольствием.

Евгению Голубовскому

Это греки включали кораблекрушения в поэмы, археологи бредят, а я и гадать не берусь – что же было в тех амфорах? Ибо погибла трирема меж Харибдой и Сциллой, и волны похитили груз...

За три тысячи лет эти скалы укрылись в сказаньях, обменявшись местами, исчезло добро или зло. Через тысячи лет эта форма и есть содержанье, тем, кто знает об этом, неслыханно повезло.

Просто белая глина самовольна как спелая пена, виноградной лозы измышляя капризный извив, средиземный орнамент сплетается в ней неизменно, ни волны, ни луча в дивном замысле не повторив.

Пальцы мастера – глина хранит торжество и дрожанье. Винным камнем иль масляным крыто пологое дно. Через тысячи лет эта форма – и есть содержанье, продолжение в вечность того, что постичь не дано.

Ни следа на песке, кто стоял здесь, потерю оплакав. Ни следа на воде, кто тонул, пропадая в беде. Но сосуд возрожденный три тысячи лет черно-лаков – легкий танец любви в городах, не возникших нигде.

Что же было в тех амфорах, смытых и морем разбитых, – масло, уксус, вино – и морскою волной наизусть прорывается давний зеленых, соленых, забытых, обжигающих память, горчайший и радостный вкус.

Юрий Михайлик

Поздравления участников клуба «Зеленая лампа»:

Среди многих переменных в этом мире вы стали для нас константой. Рядом с Вами всегда – только вперед, только с поднятой головой, только балансируя на грани своих возможностей, только искренне, только любя. Только джазовые импровизации – в литературе и жизни. И обязательно – вера в чудеса, ведь Вы умеете их совершать!

Вы проходите сквозь эпохи и выносите к нам настоящее: историю, литературу, человечность. Это большая удача жить и быть рядом с Вами!

Пусть Ваш свет горит бесконечно долго! Здоровья, сил на воплощение еще многих чудес, любви и радости в каждом миге!

Анна Михалевская

Доблестный рыцарь на страже культуры. Человек удивительной воли к жизни, наполняющий смыслом и душевным теплом каждый свой вдох и выдох. С днем рождения! От всего сердца благодарю и поздравляю с юбилеем!

Лаз

Евгению Голубовскому

я ловлю на экран квадрат портала, лазурита крошечный клочок. отраженью мне бы не мешало, если был бы телефон включён. (аккомпанемент соседской дрели прорубает в памяти тоннель: вспоминаю небо и качели, из Столярского виолончель...) тут его практически не видно – от экрана голубая треть –

путь назад, теряющий ликвидность, детство заставляющий стареть. остальное пусть заполняют рифмы, потому что, если не они – паутины сладостные рифы путника стремятся заманить. поднимаю голову на небо сквозь глазок меж бесконечных крыш

и гадаю, как решить сей ребус? как такой пейзаж изобразишь? как вообще дошли мы до такого, как мы до такого добрели, что не видно неба голубого из любого уголка земли? среди буден с привкусом металла носимся и мы вперед-назад... только неба мне и не хватало – я его нашла в твоих глазах.

Влада Ильинская

***

Ямщик, не гони самолёт,
Стюард пусть подаст фляжку,
Пусть будет приятным полёт,
Комфортным, т.д. и т.п.
И к музыке и к стихам
Пусть будет всегда интерес.
И сонм пусть приходит к Вам
Талантливых поэтов.
Пусть пишется дни напролёт
И будет приятной стезя.
Ямщик, не гони самолёт,
Так быстро совсем нельзя.

Юлия Цымбал

***

Дорогой Евгений Михайлович, хочу сказать Вам, что Вы очень нужны и всем нам, и всему нашему городу, в котором Вы – главный заведующий его культурной жизнью. Никто не сравнится с Вами по интересности Ваших ежедневных постов, по их культурной наполненности, по энциклопедичности Ваших знаний. А еще Вы – открыватель талантов! Помню, что начала печататься в одесской прессе с Вашей легкой руки. Одна из первых моих больших подборок была в «Вечерней Одессе». Несколько стихотворений были белыми, и вскоре был получен отзыв от какого-то отставного военного, в котором он писал, что стихи мои очень плохи, т.к. в них нет ни ритма, ни рифмы. Помню, как мы веселились с Вами по этому поводу. Помню еще, как Юрий Николаевич Михайлик советовал мне прислушиваться к Вашему мнению «одно из главных понимателей стихов» в нашем городе. Огромное спасибо Вам за все, что Вы делаете! Крепкого здоровья Вам и неиссякающего интереса к жизни, литературе и искусству. И пусть долго светит нам Ваш внутренний свет!

Анна Стреминская

Ни дня без Голубовского

Творческий человек никогда не успеет сделать все, что желается ему. Потому что с каждым новым утром (или – с каждой бессонницей) рождаются новые замыслы, впечатления, переживания, которые из своего непроявленного состояния просятся на волю. Стремление успеть сделать больше удлиняет жизнь, выводит за рамки календарных лет. Это стремление и труды превращаются в судьбу, значимость которой измеряется пользой, принесенной людям.

Если у Олеси «ни дня без строчки», то уместен парфраз: «ФБ ни дня без Евгения Михайловича Голубовского». Вы буквально балуете читателя открытием новых имен, дневниковыми откровениями, архивными находками, обогащающими наши сведения об истории Одессы.

Вы гурман слова, ценитель его смыслов, подмыслов и значения. Знание слова сопровождается у Вас умением владеть словом, а уважение к нему осеняет любовь к слову как к идее, способу мышления, просто речевой единице и, наконец, к той его сфере существования, которая вбирает и выражает эти категории: к художественной литературе.

Иногда это слово у Вас повествовательно, иногда глубоко информативно, образно, актуально, иногда проникновенно или с юмором, с точно подмеченной деталью, иногда твердое, как поставленная печать, или... с легкой иронией, или с доброй усмешкой. Но всегда – деликатно.

Как у всякого мудрого человека, у Вас есть, чему учиться. И это хорошо видно при свете Зеленой лампы.

Сейчас на вековых часах у Вас без пятнадцати сто. Многая Вам лета и здоровья, конечно.

Владислав Китик

Когда я думаю о Вас, дорогой Евгений Михайлович, мне на ум приходит картина освоения Дикого Запада времен золотой лихорадки. Я вижу человека с закатанными штанами, который стоит посреди холодной реки. В руках он держит сито, через которое просеивает речной песок в надежде обнаружить золотой. Лучше всего – слиток-другой-третий, но даже песок – это уже многое. Очень трудно стоять в воде и, не обращая внимания на то, что чаще всего в сито попадают самые обычные камни и самый обычный песок, продолжать свою работу, сохраняя спокойствие и уверенность в том, что удача близка. Кто-то даже может подумать, что в реке стоит очень странный чудака, выдумщик и мечтатель. Возможно, так и есть. А может быть – это маг-соблазнитель золота. Все, что ему нужно делать – это без устали промывать речной песок, а золото само пробьется к нему из речного грунта, чтобы освободиться и ослепительно засиять на солнце.

Для меня Вы такой маг-соблазнитель. Только Ваша лихорадка – литературная. В моем представлении Вы стоите в реке поэзии и прозы и промываете руду, в которой они, еще не освобожденные, заключены. Только Вы еще и создаете эту реку, и этот песок, и эти камни.

«Поэзия – та же добыча радия.

В грамм добыча, в год труды.

Изводишь единого слова ради

Тысячи тонн словесной руды» – писал Владимир Маяковский о легкости бытия поэтом.

Вы же сделались ловцом поэтов и прозаиков. Вы создаете пространство, в котором драгоценные находки получают возможность проявиться. Ведь какой смысл драгоценностям лежать в неизведанных глубинах и секретных тайниках, когда они могут сделать всех вокруг богаче?

Их нужно искать. Их нужно находить. Их нужно освобождать и позволять им ослепительно сиять на солнце. И это может делать только тот, кто это умеет и очень этого хочет.

С Днем рождения, дорогой Евгений Михайлович!

Майя Димерли

***

Не знаю человека, кто не поддал бы однажды под обаяние Жени Голубовского.

Мои мысли о нем похожи на какие-то вспышки фотоаппарата... Вот вижу Женю с чашечкой кофе, окружённого девочками, среди которых и моя младшая сестра. Они с обожанием смотрят на него и внимают каждому слову своего гуру...

Вижу себя на чудесной кухоньке в квартире у Голубовских на Якира. Валечка сидит напротив... это было незадолго до моего отъезда в Америку...

Вижу свой первый приезд в Одессу в 2000 году и интервью с Женей о новом спектакле, о впечатлениях о жизни в новой стране...

Ещё одна вспышка. 2005 год, Юморина, разговор с Женей, просьба: если будут какие-то материалы об Иосифе Бродском, пришли, мне интересно.. И чудесным образом у меня оказывается программка отпевания поэта в соборе... передала с оказией в Одессу...

В мой плодородный приезд в Одессу Женя организовал мое выступление в Клубе, прекрасную статью в газете... Когда за день до моего обратного вылета закрылся полёт через Варшаву, я позвонила Жене в растерянности.

– Немедленно улети, бери другой билет и домой, – сказал он!

Улетела через Стамбул...

Дорогой Женя, продолжай прибавление годов, не снижая жадного интереса к жизни!

Елена Строганова